

Евгений Катков

**Повесть и два
рассказа**

ЕВГЕНИЙ Катков

**Повесть и два рассказа.
Накануне кризиса**

«Издательские решения»

Катков Е.

Повесть и два рассказа. Накануне кризиса / Е. Катков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908768-3

Все персонажи этой книги учатся. Ученый-гуманитарий держит экзамен для получения водительских прав. Два советских пионера трудно и сложно решаются на вооруженное сопротивление хулиганам. И молодая мама вынуждена отвечать на сложные политические вопросы сына-первоклассника.

ISBN 978-5-44-908768-3

© Катков Е.
© Издательские решения

Содержание

Экзамен	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Повесть и два рассказа Накануне кризиса

Евгений Катков

© Евгений Катков, 2018

ISBN 978-5-4490-8768-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Экзамен

«Истина в нашем мире – презлупейшая вещь. Попробуйте прожить Истиной, – вы в миг докатитесь до благотворительного супа». Герман Мелвилл.

Моим друзьям-философам посвящается.

– Василь Васильевич, а почему антропология стала модной только в последнее время?

– Где? У нас? Дело в том, что на Западе ситуация другая. Есть дата – 1927 год. Доклад Макса Шелера в Дармштадте «Особое положение человека». В следующем году выходит книга Плеснера «Ступени органического и человек». И через 20 лет появляется капитальный труд Арнольда Гелена «Человек. Его природа и положение в мире». Но это теоретические работы, опирающиеся на медицинские, биологические знания. К этому времени, я имею в виду начало столетия, накоплен уже большой, очень разнообразный материал по этнологии и этнографии, который во Франции именуется, собственно, антропологией, в Англии – социальной антропологией, в Америке – культурной антропологией. В двадцатых годах начинают плодотворно работать Марк Блок и Люсьен Февр, основатели новой исторической школы... Почему это время? Вопрос интересный и большой, я сегодня уже не успею рассказать.

– Вы имеете в виду антропологический поворот?

– Не совсем. Это более позднее понятие. В начале столетия интонации были другие. Леви-Стросс выразился в духе Руссо: «Мы наконец-то имеем полный предмет антропологии – человечество в целом». Он говорил об открытии мира первобытного человека... И сразу поставил проблему, очень точно: кто эти люди для нас? Послушайте, как он говорит, это важно. Сейчас. Я скажу на память, но близко к тексту.

– Единственный залог того, что, в один прекрасный день другие люди не обойдутся с нами, как с животными, состоит в том, что все люди сумеют осознать себя, как страждущие существа и воспитают у себя способность к состраданию, которая в природе заменяет законы, нравственность и добродетель.

И чуть ниже: «обращаться с людьми, как с вещами – неискупимый грех».

– Я напомню, несколько раньше Ницше выступил с тезисом сверхчеловека, которому чуждо сострадание. Отвратительно. Вина, сочувствие, сострадание к погибающим – страшная болезнь. Человек винящийся очень болен, поскольку свою слабость и беспомощность в мире еще и возводит в достоинство, в добродетель и, тем самым, «величается над животными». Такая странная логика, казалось бы, из сходных посылок. В первом случае человек радикально отличается от животных, устанавливает право своего господства, но и призывается к ответственности, к состраданию... В другом – человек уподобляется животным, стремится вновь открыть в себе животные инстинкты... Сознание европейца начинает двоиться. Здесь, пожалуй, главная проблема всего столетия: «кто», и даже «что» для меня, для нас другой человек? Человек другой веры, культуры, расы, пола, возраста, достатка, здоровья? Тем более, если он поселяется на соседней улице, а то на одной лестничной клетке. Мы видели, что в первобытной культуре в так называемых «стратегиях выживания» можно найти структурированные решения подобных вопросов. Означает ли это, что архаичные небольшие меньшинства лучше защищены, чем индивидуализированные большие технологичные сообщества? Будем смотреть. Еще есть вопросы?

– Скажите, пожалуйста, а вы не родственник Розанова?

Слушатели засмеялись.

– Не родственник, просто однофамилец. До свидания.

Розанов сложил бумаги в папку и вышел из аудитории своим обычным твердым шагом. На экране мобильного телефона высветился непринятый звонок жены, потом сообщение. Он спустился на два этажа, открыл потертую безымянную дверь.

– Надежда Сергеевна, я позвоню?

– Конечно, Василь Васильевич, десять центов минута. Сухая прокуренная женщина в очках сидела у компьютера.

– Главный не пробегал?

– Машина на месте. Заварзин прибыл.

– Алло, Маш, ты звонила?

– Вася, очень хорошо. Ты с мобильника?

– С городского.

– Очень хорошо. Васечка, Димочка нам дарит машину.

– Какую машину?

– Свою, «Жигули». На которой, он нас возит. А себе покупает новую, иномарку.

– Зачем нам машина, Маш? – Розанов поморщился.

– Будем ездить на дачу. Ты забыл наш разговор осенью. И мои ноги.

В голосе жены наметились требовательные интонации.

– Маш, мы можем и дальше ездить на том же Диме, причем на иномарке; он, по-моему, не возражает.

– Ты же говорил, что тебе самому неплохо выучиться... Если ты получишь права, мы будем свободнее. Дима ведь не работает у нас шофером со своим транспортом.

Теперь послышался спокойный холодноватый тон опытного педагога.

– Вася, ты сам, комфортно покатишь себе на работу; не будешь стоять в электричке.

– Это Дима придумал?

– Дима предлагает машину, говорит, что может прямо сейчас оформить доверенность. Тебе надо только выучиться и получить права.

– Маша, мне некогда учиться, ты знаешь.

– Ты мог бы утренние часы отдать Боре, а у него взять вечерние... Дима звонил в автошколу, выяснил, что там есть утренняя группа с девяти до одиннадцати, только будни. На два месяца, как раз в конце мая экзамен. А так у них очередь, только на июль записывают. Сейчас в этой группе есть одно место, они с понедельника начинают. Я, собственно, почему звоню: они просят, чтобы ты подъехал сегодня-завтра написал заявление... А то они возьмут кого-то... С Борей я переговорила, он уже согласился... Алло, ты слушаешь меня?

– Слушай, Маш, я не хочу учиться и не хочу ездить на машине. Ты хочешь, чтобы я стоял в пробках или заснул за рулем?

– Вася, послушай меня. Ты сам много раз говорил мне, что со временем мы купим машину, и ты будешь меня возить. Мне шестой десяток пошел – может быть, уже пора? В пробках можно слушать «Эхо Москвы»... У нас уже не будет такой возможности...

Розанов тяжело вздохнул. Жена внимательно молчала в трубке.

– Слушай, я не хочу сейчас об этом говорить и думать тоже. Давай дома. Как твое давление?

– Как обычно.

– Таблетки пила?

– Пила.

– Ладно, Маш, до вечера. Я постараюсь часам к восьми вернуться.

– Хорошо.

Розанов положил трубку. Надежда Сергеевна, наклонив голову, поверх очков бесстрастно смотрела на него. Он вышел. По коридору навстречу ему двигался сутулый, старый, неряшливого вида еврей.

– Боря, кто просил тебя с Машей обсуждать мое расписание? Тебе больше совсем делать нечего?

– Вася! – испугался Борис Александрович, оступился назад, неловко закрывая руками лицо. – Я сопротивлялся, как мог. Я напомнил, что тебе нужно сдать монографию, сказал, что ты будешь дышать ядовитыми газами и вообще можешь заснуть за рулем. Сообщил также, – он уже подошел и приблизил свое лицо и зашептал, тараща мутноватые глаза, – что у всех водителей от сидения в многокилометровых пробках катастрофически страдает мужская сила. И что ты думаешь? Не слушает! Тут, правда, нет сионистского заговора. Это все Дима. Парень он хороший, но молодой, с деньгами. Представляешь, вскружил Марье Александровне голову! – Он сочувственно заглянул Розанову в глаза.

– Слушай, что ты мелешь? – наморщился Василий Васильевич, повернулся и зашагал по коридору.

– Васенька! – закричал Борис Александрович вдогонку.

– Что?

– Ударим автопробегом по лужковскому бездорожью, а! – Боря, вдруг, просиял.

– Пошел к черту! – Розанов громко рассмеялся.

* * *

– Здравствуй, Света! Игорь Николаевич у себя?

– Здравствуйте, Василь Васильевич... На месте. Ждут Вас.

– Много там народу?

– Никого. Все разбежались, только этот норвежец.

– Он по-английски говорит? – приглушил голос Розанов.

– Он бегло говорит по-русски, с акцентом, с неряшливой грамматикой, но, можно сказать, свободно. Он хороший. Все время Вас спрашивает. Хотел идти на лекцию, но Игорь Николаевич уговорил сначала встретиться с академиком, решить некоторые сопутствующие вопросы, понимаете, Василь Васильевич?

Света значительно посмотрела на него. Она была подкрашена, в темном строгом жакетике, под которым виднелась какая-то ажурная цветастая маечка. Волосы интересно заколола несколько набор большой декоративной спицей. У нее за спиной на стене двигались, трепетали солнечные пятна...

– Понимаю, Светлана Николаевна, – улыбнулся Розанов. Он открыл дверь в кабинет.

– Ну, вот и Василь Васильевич. – Игорь Николаевич сидел в обычной своей позе, подавшись вперед, налегая грудью на стол, в очках, с мушкетерской бородкой, уверенный и воинственный. Напротив, в кресле, расположился худой костистый мужчина, коротко стриженный, с резкими, выразительными чертами длинного лица. Он сразу поднялся навстречу, оказавшись, совсем огромным, выше крупного Розанова.

– Знакомьтесь, – уверенно, сидя, руководил своим непропорционально звучным голосом Игорь Николаевич. – Петер Седестрем из Королевского института.

– Здравствуйте, можно просто Петер. Очень хорошо могу Вас видеть. – Норвежец приятельски улыбался.

– Розанов, Василий... Чем могу служить?

– Я сейчас участник конференции в Петербурге. Мы с Новиковым говорили о направлениях в России. Он мне рекомендовал Ваши работы. Я смотрел в его компьютере и имел очень хорошее впечатление.

Норвежец стоял спиной к Барышникову. Розанов его мягко развернул, на что он не обратил внимания, продолжая спокойно выговаривать свою мысль.

– У меня есть возможность один день в Москве по административным делам, я звонил Игорю Николаевичу. Он пригласил в институт, правда, по пути познакомил с двумя академиками. Но я не растерял мой мотиваций.

Он опять улыбнулся просто и открыто.

– Василий, у меня через пять часов самолет, потому я скажу покороче. Мы в институте с семидесятого года проводим семинар. Интересные люди делают сообщение и затем свободная дискуссия. В прошлом году был Бауман. Хорошие условия на берегу фиорда. Я хотел просить Вас делать доклад – сообщение в пределах получаса, чтобы представить Ваши работы; я думаю, это будет интересно. Потом обсудим.

– Игорь Николаевич, – Розанов опять немного развернул гостя, – мы планируем в этом году сотрудничество с норвежскими товарищами?

– Почему нет? – наивно переспросил Барышков. – План командировок утвержден, но, я думаю, конференция в Норвегии важна – это авторитетное экспертное сообщество, приглашение от которого делает нам честь... Мы могли бы Калмыкию передать Семенову и утвердить Вашу поездку. Михаил Иванович не возражает; мы сейчас только с ним обсуждали. Он сам рассчитывает быть в июне в Осло... Вы, вот что, Василь Васильевич, – я через полчаса должен быть у Панкрушевой в департаменте. Вы возьмите у Светы какие-нибудь командировочные и сходите куда-нибудь с Петером, покормите его. Потому что ему уже скоро надо выдвигаться в Шереметьево. Я попросил Свету, она его отвезет. Хорошо?

– Пойдем обедать, Петер?

– Да, можно.

– Игорь Николаевич! Я тогда возьму с собой Бориса Александровича... Я ему уже обещал сегодня.

– Конечно, только чтобы у вас разговор получился.

Он встал и вышел из-за стола маленький, шуплый, комично-серьезный.

– Петер, до свидания, – пожал руку. – Будем сотрудничать. Счастливого Вам пути.

В ресторане на Пречистенке было многолюдно. Света организовала стол, согласовала меню. Официанты шустро доставили напитки. Петер взял себе большую кружку пива. Российские коллеги уговорились на коньяк, выпили, оживленно продолжая начатый еще в дороге разговор. Боря энергично наседавал на скандинава.

– Эванс Причард поставил проблему в своих лекциях. Давайте взглянем серьезно – это его завещание. Просветители занимались поиском и обоснованием развития общества; для этого им нужен был так называемый естественный человек, совсем дикий, но и гениальный, способный к бесконечному развитию, примерно как французский безграмотный мальчишка, освобожденный от предрассудков и угнетателей, отмытый, помещенный в доброжелательную и требовательную гражданскую среду, руководимый опытными педагогами, развивающийся в конце концов в трибуна, писателя, ученого... Ваше здоровье! Я, конечно, огрубляю мысль для ясности, но именно здесь стратегия Фергюссона, Конта, Дюркгейма, Маркса, конечно, которые убедительно продемонстрировали связь общественных институтов и законов мышления, но и абсолютизировали их. Собственно, мышление дикаря есть освоение социальных возможностей. Развитие, соответственно, все более широкая социальная рецепция. Человек из темного и агрессивного продукта природы становится светлым и ответственным общественным созданием, как нас учили большевики. Здесь два постулата: естественный человек и развитие. Между сообществами нет принципиальной разницы, люди находятся на разных этапах, но движутся в одном направлении. Уже Леви-Брюль сформулировал совершенно другой подход...

Это что такое? Грибы? Очень хорошо. Молодой человек, принесите еще холодной водички без газа. Такую же. Будьте добры. Да, о чем я говорил?

– О грибах, – улыбнулся Розанов.

– Вы сказали, что Леви-Брюль имел другой подход, не структурализм? – спросил Петер.

– Да! Леви-Брюль, ученик Дюркгейма, тем не менее, показал, что дикарь живет в сообществе духов, в магическом мире, и это общество совсем не развивается в том смысле, как думали просветители. Взрослый европейский человек оттуда никак не извлекается. Между ними существует непроходимая бездна. Но тогда тезис развития приемлем лишь для определенной группы сообществ. Это частный случай. В более широком контексте обнаруживается старая, еще античная культурная парадигма: есть цивилизованные народы, и есть варвары. Не нужно здесь сглаживать противоречия, тем более выдавать одно за другое.

– Я согласен, – сказал Петер, – но это не повод сомневаться в правомерности научного подхода.

Подошел официант, стал аккуратно расставлять горячие блюда.

– Я нахожу у Вас, Борис, немного широкий горизонт, почти метафизика... Это сильно не любил сэр Эванс Причард. По-моему, наука легитимна в узких границах. У нее небольшой шаг. У Василия собран интересный материал, хорошо сложен в группы. Намечено направление дальнейших исследований. Мне кажется, это правильно. Вам нравится то, что делает Василий?

– Он святой, – Боря поднял рюмку и с удовольствием выпил. – Это мой борщ? – он потянулся к тарелке.

– Правильно, Борис Александрович, надо кушать. Петер, Вы, правда, не будете первое? Попробуйте этот салат, – Света протянула ему блюдо.

– А почему Василий святой? – улыбнулся Петер.

– То, что он тридцать лет прожил с моей сестрой – грандиозно. Выпьем за Васю, – он опять поднял рюмку и, не дожидаясь, выпил. Глаза у него покраснели, он стал быстро и громко хлебать борщ. Розанов улыбнулся Петеру. Света сделала строгое лицо и еще больше выпрямилась.

– А вот Свету спросите, как у нас сотрудницы ценят Василь Васильевича, – Боря захихикал, двигая своими крупными масляными губами....

Света спокойно положила ложку, вытерла салфеткой рот, глядя перед собой в стол, произнесла

– Борис Александрович, я прошу Вас немедленно оставить Ваши нетрезвые гендерные суждения. В противном случае я вынуждена буду дожидаться Петера в машине.

– Свет, прости, – испугался Боря. – Ну, правда! Все, я молчу... Ребят, простите меня, не обращайтесь внимания... Я старый больной хрен.

Боря выглядел очень расстроенным. Света подняла глаза к небу и покачала головой.

– Петер, где Вы выучили русский язык? – спросил Розанов.

– О, это юношеская любовь. Толстой, Достоевский, Чехов, Бердяев, Мережковский... Хотел читать в оригинале.

– А что Вы читали?

– Большие произведения все. У Толстого письма, дневники.

– А почему Бердяев? – спросила Света.

– Очень интересный... э-э... способ мыслить. Он меня, не знаю, как сказать... колдовать. Сейчас... Он мыслит правильно или неправильно, но предъявляет не аргументы, а показывать...

– Это картинка, – вмешался Боря, – Леонтьева читали?

– Немного, со слов Бердяева.

– Константин Леонтьев. У него в «Автобиографии» есть признание... Он говорит: «Для меня всегда важна была картинка, внешняя форма для начала размышления». Это право-

славная иконописная традиция, «Умозрение в красках» Мы здесь все визионеры. И у Витгенштейна, кстати, тоже...

Он вдруг замолк, испуганно глядя на Свету, сделал движение головой, плечами, словно хотел спрятаться под стол.

Все рассмеялись. Боря счастливо распрямился, потянулся к бутылке. Посерьезнел.

– Как Вы находите Москву, Петер? – спросила Света.

– Очень изменилась, и Питер тоже. Я Ленинград хорошо знаю. Студентами часто приезжали в Таллин, Ленинград... как это сказать?

– Оттянуться и погудеть, так сейчас говорят, – назидательно произнес Боря.

– Да, наверное, потому что алкоголь, продукты, гостиница были очень дешевые. Сейчас наоборот, русские приезжают к нам.

– Как Вам наши новые бизнесмены? – улыбнулся Розанов.

– Сложное впечатление. Много энергии, подчеркнутой независимости... Но, немного неуместно. Сорят деньгами, иногда провокация, агрессия. По-моему, есть демонстративное поведение, и поэтому сложно.

– А здесь?

– Я был в Архангельске – молодежь симпатичная. В Москве, Питере много усталых хмурых лиц... Знаете, друзья, у нас замечательная русская беседа, в которой пропадает время, но мне, кажется, пора?

– Не волнуйтесь, Петер, я слежу, – сказала Света. – Полчаса еще спокойно можно посидеть.

– Петер, Света выпасает всех наших академиков и ихних гостей. Проводит банкеты и совещания, вывозит тела, грузит в самолеты. Незаменимый и испытанный сотрудник. Свет, ну что я такого сказал?!

* * *

– Аллю, Дима, ну ты где?

– Ползу, Василь Васильевич, уже недалеко. Переехал пути у Халтуринской улицы.

– Ну, я стою на остановке троллейбуса, тут вывеска «Цветы» надо мной.

– Хорошо.

На Преображенке солнечно, ветрено, шумно. Семь с минутами, вечерний пик движения. Холодает. Ночью опять будет мороз. Ветер сильный, порывистый. Розанов повернулся, поднял воротник поношенного кожаного пальто. Перехватив кейс, натянул перчатки. Поправил кепку. Высокий, худощавый, выпрямленный, с благородным носом и лепным подбородком; глаза внимательные, быстрые – любопытная фигура в разночинной пестрой толпе.

Старенькая «девятка Жигулей» неопределенного цвета неожиданно выскочила из-за троллейбуса, посигналила. Розанов быстро прошел, уселся, хлопнув дверью. Дима сразу поехал, маневрируя, стал пробираться в левый ряд в потоке медленно двигающихся машин.

– Быстро ты добрался, – пристегиваясь, заметил Розанов. – Я уже настроился полчаса мерзнуть, – смотри, как забито все!

– Да ничего. Обычное плотное движение. Я сейчас на третьем кольце стоял, там авария.

– Ты был в институте?

– Не успел. У меня же ученики сегодня. Родители еще одни пришли с претензиями.

Дима поморщился, оглянулся на Розанова. Тот смотрел на него спокойно, доброжелательно.

– Парень у них загулял, не ходит. Спрашивают, нельзя ли будет получить обратно деньги, если он провалится на экзамене.

– Нельзя?

– Ну как! Мы же заключили осенью договор, где все прописано, – гарантий не даем, денег не возвращаем. Есть программа, ключевые темы, задачи последних экзаменов. Мы их прорабатываем, но нужно ходить. – Дима говорил медленно, складно и нараспев, понемногу оживлялся. – Странные люди, сначала со всем соглашались, потом начинают выворачиваться... В прошлом году одни вообще суд затеяли – я Вам рассказывал.

– Ты, вроде, хотел прекращать репетиторство?

– Да, год решил еще поработать. Этим летом заканчиваю, точно. У нас с машинами дела разворачиваются: будем «спутники» устанавливать – уже просто нет времени.

– Ну, видишь ли, люди как люди. Думают одно, поступают по-другому. Преимущество ситуативной этики перед сознательными большими стратегиями. Ты, например, решил мне этот драндулет сосватать, хотя я тебя не просил. Тебе его хранить негде, а продать, наверное, жалко?

Розанов спокойно продолжал смотреть на Диму. Тот вобрал голову в плечи, приоткрыв рот, растерянно заморгал длинными серыми ресницами. Физиономия небритая, курносая, наивная. Розанов сдержал улыбку.

– Извините, Василь Васильевич, я думал... Мария Александровна спросила... Вернее, я рассказал, что покупаю новую машину. Она спросила: «А эту куда?» Я и подумал...

Она, кстати, вполне приличная. Правда, – я Вас не обманываю. Мне за нее три тысячи долларов дают. Вы могли бы спокойно научиться на ней... Я бы сейчас оформил на Вас доверенность, а потом как хотите. Правда, я так думал, без всякой задней мысли... Черт!

Он резко затормозил, чуть не ударил вывернувшую из соседнего ряда машину... Громко просигналил.

– Вот именно, плохо подумал. Смотри, мне сейчас надо отдать статью в сборник, прочитать лекции для аспирантов. Теперь еще, Норвегия. Калмыкия, кстати, от нас никуда не денется. Игорь Николаевич пообещал передать Семенову, он там посидит месяц-другой, а осенью отчитываться нам с тобой придется. Вот скажи, пожалуйста, когда мне учиться вождению? И потом вообще – эти пробки, аварии, побои на дорогах... Почему ты решил, что мне это все нужно? Я понимаю, что у Марьи Александровны есть мечта, а ты, на правах друга семейства придумал сбегать этот свой старый самовар, заработав пусть не деньги, но признательность значимых людей. Так, что ли, Дима?

– Нет, Василь Васильевич, не так... Мне, конечно, надо было сперва у Вас спросить... Я не подумал, извините, пожалуйста! Хотите, я сегодня скажу Марье Александровне, что подумал, или, что машина сломалась?.. Она, правда, все равно поймет... Зря, конечно, я с Вами сперва не посоветовался. Простите, Василь Васильевич!

– Ладно, смотри за дорогой... «сперва»!

Розанов расстегнул пуговицы, открыл кейс, достал бумаги, ручку, стал быстро править текст. Какое-то время ехали молча. У автовокзала еле ползли, потом обычная пробка на выезде у МКАДа.

– Встречались с норвежцем, Василь Васильевич? Как впечатления? – прервал молчание Дима.

– Да.

– Это тот самый Седестрем, секретарь этнографического общества?.. Я смотрел в Интернете – он, оказывается, потомственный ученый; его мать работала у Малиновского, а он сам несколько лет провел в Африке.

– Да, человек заслуженный, влиятельный и симпатичный. Наши академики поспешили познакомиться.

– Ну, Вы поедете?

– Поеду, если успею пройти курс вождения...

Дима улыбнулся.

– Ты куда?

– Попробую через колхоз. Здесь час простои́м, наверное.

Дима решительно взял вправо, свернул на боковую дорогу. Машина облегченно покати́лась под мост, затем бодро заревела мотором. Они миновали ИКЕЮ, по соседнему мосту переехали МКАД, быстро промчались вдоль многоэтажных домов. Выскочили на пустырь к каким-то заборам. Здесь дорога кончилась, впереди обнаружился хвост из автомобилей, которые, теснясь, прыгая, раскачиваясь на ухабах, медленно пробирались между деревенскими домами. Ну вот, и тут встали.

Слева на шоссе сплошная лента машин, все с зажженными фарами: междугородные автобусы, большегрузные фуры, рефрижераторы медленно, неслышно отсюда, плыли над разноцветными и разнокалиберными легковушками на фоне высотных домов, также горящих окнами, и далее – багровый, красный закат, размазанные тучки, столичный серый густой смог... Красиво!

В Балашиху приехали в темноте. Остановились у пятиэтажного дома.

– Василь Васильевич, хотите, я зайду. Переговорю с Марьей Александровной?

– Поздно уже. Ладно, Дим, думаю, деваться мне некуда, нужно отрабатывать эту образованную вдруг возможность. Надеюсь, ты pomoжешь мне, поставишь на дороге?

– Конечно, Василь Васильевич! – Дима обрадовался. – Вы только права получите, а там мы с Вами все отработаем! Сперва, конечно, трудновато, но потом войдет в привычку, будет Вам большая помощь, увидите!

– Увидим. – Розанов, закрихтел, выбираясь из машины.

В подъезде опять нет света. Поднялся в темноте на второй этаж, на ощупь открыл ключами дверь.

Маша, придерживая полы халата, стояла перед ним в узкой прихожей. Короткая темная стрижка, очки, худая, хрупкая, сутулящаяся фигурка. Чмокнул ее в поблеклые губы.

– Дима подвез?

– Ага.

– Устал?

– Да нет, ничего.

– Есть будешь?

– Я не голодный. Чаю попьем...

– Вась, там сырники, подогрей себе, со сметаной. Я лежу. Голова кружится целый день.

Он остановился, внимательно посмотрел на нее. Глаза черные, глубокие, с грустинкой.

– Давление?

– Сейчас нет, сбила. Слабость, подташнивает...

– Ложись. Я сейчас приду.

Он умылся, переоделся. Выпил чаю с удовольствием. Прослушал новости на «Эхе». Прошел в комнату.

Жена уютно лежала под пледом. Отложила книжку, с улыбкой посмотрела на него.

– Ну как ты?

– Ничего. – Он ладонью провел по ее волосам, щеке. – Полечу в Норвегию, наверное, в конце июня, начале июля... Завтра, утром подойду в автошколу. Могу походить апрель-май утром. Но буду пропускать. Не знаю, что получится; можем деньги потерять...

– Вася давай попробуем. – Она взяла его руку. – Ты не напрягайся; как получится – так получится. Когда еще у тебя будет время и силы? Будешь меня возить... Видишь, какая я стала...

* * *

Дорога в автошколу, пока что, главный плюс в этой истории. Полчаса ходу по весеннему лесу, дыша морозным воздушком – просто отлично! Он быстро прошел дворами пятиэтажек, от угла заводского забора нырнул в лес. В придорожном ельнике темно, стыло, грязно. Мерзлый снег сплошь засыпан мелким древесным мусором. Тропки заледенели, часто помечены цветными собачьими, а то и человеческими испражнениями. У скамеек смятые жестяные банки, бутылки, пакеты; разорванный воздушный шарик болтается в ветвях. Сами деревья поникшие, истерзанные, умученные... Розанов прошел вглубь леса, стал подниматься на холм. Здесь посветлее. Старые березы чередовались с огромными, мохнатыми елками. Сосны решительно выпрямились в небо. Он остановился, поднял лицо – верхушки деревьев уже озарены ярким солнышком. «Синяя синь и тонкий безлиственный штрих». Он улыбнулся, стал спускаться, хватаясь за ветки, зеленые лапы, поневоле притоптывая, сбегая на прямых ногах, – с размаху обнял сосну... «Скользко, елы-палы!»

Внизу через речку перекинут железный гремящий мосток, но пока можно по тропке, по льду, мимо рыбаков в тулупах и валенках, сосредоточенных, огромных, монументально восседающих на своих коробах.

Снова подъем в горку между самопальных участков и хижин, огороженных «чем зря», выходим прямо к станции, с небольшой отдышкой. На дороге грохот, вонь, плотный поток машин. Снега нет, только сбоку кромка черного, заляпанного грязью льда. Налево, две остановки, и школа.

Здание строили в 70-х, серая двухэтажная бетонная коробка. Раньше здесь был ДОСААФ, теперь другая вывеска, но суть та же. Внутри холл, большая застекленная подсвеченная доска, увешанная грамотами, вымпелами, лентами. Медали на бархатных подушках, кубки, флаги. Поневоле разыскиваешь бюст вождя и не находишь, и от этого разочарование и некоторая тревога... На стенах художественные портреты советских и царских военачальников, включая Суворова и даже Дмитрия Донского в шлеме и при мече. Коллаж эпохи перемен. Все аккуратно, чисто. Автоматы с водой и ароматным кофе. В открытом туалете восточная женщина в фартуке и перчатках трет кафельную плитку тряпкой.

Розанов отыскал свою группу, вошел в просторную классную комнату. Повесил пальто на вешалку, сел на свободное место рядом с интеллигентной бабушкой в очках. Огляделся. Два молодых парня, остальные женщины. Однако!

Вошли трое мужчин, начальник школы, завуч и преподаватель группы. Представились, поприветствовали собравшихся. Все, несомненно, бывшие военные. Начальник – седой, пухлый, благообразный, с живыми глазами успевающего человека – держал долгую речь, «докладывал» о давних традициях школы, замечательных специалистах, хвалил постоянно расширяющуюся «материально-техническую часть». Двенадцать часов вождения, возможность дополнительных занятий. Но нужно посещать и обязательно сдать теорию. Александр Данилович прекрасно владеет материалом, способен научить любого здравомыслящего и даже не здравомыслящего человека. По-видимому, юмор. В аудитории действительно заулыбались, зашевелились, а то была напряженная тишина.

– Без сдачи теории студент к вождению не допускается. Порядок получения зачета Александр Данилович вам доложит.

– Это я все расскажу, объясню, – неожиданно задвигался, замахал руками небольшого роста, лысоватый преподаватель группы.

– Бояться не нужно, – продолжил начальник, – еще раз повторяю: мы свою часть работы выполним, но при обязательном условии вашего сотрудничества. Я понимаю, могут быть пропуски по уважительной причине, но если человек не ходит, а появляется только на экзамен, допущен не будет. Давайте сразу настраиваться серьезно. На дороге вы будете подвергать опасности свою жизнь и жизни других граждан. Мы несем ответственность за ваши знания. Не теряйте зря времени. Вы, вообще, хорошо подумали? Посмотрите, что творится на дорогах! Вот, сейчас девять часов, везде уже пробки, все спешат, лезут друг на друга... Дурдом!

Он сделал паузу, весело уставился в класс. Коллеги покровительственно ухмылялись.

– Не бойтесь. Не волнуйтесь. Научим. Будете еще получать удовольствие от вашего автомобиля – это я могу гарантировать всем добросовестным студентам и студенткам.

Опять юмор. Женщины смотрели с сомнением.

– Вопросы еще есть ко мне?

Вопросы неожиданно посыпались.

– Когда будет запись на вождение?

– А машины в ГАИ будут те же или другие?

– Можно на «Форд» записаться?

– Скажите, а Снегирев работает?

– Уволен. Так, значит, я должен сразу заявить вам. Штат инструкторов у нас большой, люди все опытные, но всякие бывают обстоятельства... Сами понимаете, если вечером семейное торжество, а утром, в восемь часов урок вождения, человек не всегда умеет справиться со своим внутренним миром, может позволить себе какие-то выражения... Вы можете прекратить занятия, сразу идете к Александру Даниловичу или прямо ко мне – мой кабинет при входе слева. Пожалуйста, приходите, будем решать все вопросы.

– А кто такой Снегирев? – Розанов наклонился к своей соседке.

– Не знаю, – она пожала плечами.

– Ой, это такой урод! – повернулась к нему молодая женщина спереди. – Хам ужасный и руки распускал.

– Да нормальный мужик, его за пьянку выгнали, – подала голос девчонка с заднего стола. – Зато у него практически все сдавали.

– Я поздравляю вас с началом занятий и надеюсь, что большая часть группы в июне получит водительские удостоверения.

Начальство вышло. Александр Данилович приступил к делу. Раздал личные карточки для заполнения, пособия по правилам, тетрадки, компьютерные диски. Напомнил про медкомиссию и перешел к финансовым вопросам. Розанов плохо понял, за что нужно еще платить деньги, заторопился, поглядывая на часы. Дамы с карточками окружили преподавателя, молодые люди втиснулись между ними; пришлось ждать. В итоге он подошел последним.

– Розанов Василий Васильевич, 51 -го года рождения, сотрудник института этнологии и антропологии РАН... Сын купил машину?

– Да, типа того, – он улыбнулся.

– Василий Аркадьевич Розанов не Ваш родственник?

– Нет.

– Служили вместе в Германии, – он на мгновение поднял мутные стариковские глаза...

Уже в двенадцатом часу Розанов побежал на остановку, пропустил две маршрутки, наконец, сел. Ехал долго, опоздал на лекцию.

* * *

Гомер обозначил новую эстетическую позицию: любование героями. В «Илиаде» мы наблюдаем персонифицированную стихию войны, захватывающую и поглощающую человека. Тем не менее, боги выясняют свои отношения посредством людей. Стихия войны суть богочеловеческая драма. В «Одиссее» перед нами развернут устойчивый богочеловеческий мир, порядок... Стихия войны способна ворваться в этот мир. Но происходит это по определенной логике воздаяния, человеческой логике, которую представляет Одиссей, и которую безумно отвергаю юные женихи Пенелопы. Олимпийский миропорядок – космос – в этом смысле сугубо человеческий феномен. Божественный, но с человекообразными богами. В таком виде космос интенсивно осваивается и осмысливается в раннем эллинском мире. Я напому, что философы разыскивают первоначала космоса. Пифагорейцы обнаруживают его ритм и лад. Гераклит – внутреннюю таинственную связь противоположностей, движение. Парменид – ненарушимое единство. Человек – часть космоса; это принципиальный тезис. Космос – единственно возможный мир, и в этом мире боги делают ставку на людей. Свидетельством служит сама Греция, расцвет греческих городов-государств, их экспансия, самоорганизация, прагматизм, успешные войны с варварами. Отсюда своеобразный интерес к человеку, осмысление его способностей, положения в мире. Так, животные во многом имеют сходное с людьми строение, но не мыслят. Человек чувствует, как и животные, но еще и мыслит. В чувствах Космос живет в нашем теле, свободно, как Протей, многообразный и неуловимый, как Река в которую невозможно войти дважды. Умом человек способен схватывать сущности и оберегать их от протекания. Активно помнить, как пояснит Платон. Его идеи-образы – умные изваяния многих сходных вещей – например, числа, фигуры. Они вечны, живут своей особой жизнью в Космосе и «вспоминаются» мыслящим человеком. Без них Космос непостижим и способен обернуться Хаосом – принципиальным античеловеческим беспорядком. Сам процесс «припоминания» происходит в обращении к особому богу Уму, следуя которому, человек способен различить некоторое

целостное начертание своей жизни, и потом ему последовать. Это похоже на то, как актер вживается в полученную роль. Театральная терминология здесь не случайна.

Личность, по-гречески *prosopon*, латинский эквивалент *persona*, буквально маска, личина, обозначающая определенный характер в пьесе. Герой лишь более-менее удачный типаж. Греки, когда хотели выразить нечто лично-живое, говорили *soma*, – вот это тело, дышащее, чувствующее, страждущее, запечатленное человеческим ликом и определенными жестами пропорционального тела.

Добродетель, *agete*, – собственно, хорошо сделанная вещь. С умом, а не вопреки. Отсюда *sophrosine*, – умный человек, живущий в гармонии ума и тела, философ, искусно ваяющий свою душу, тело. Важна эстетическая направленность этого тезиса.

Аналогично формируется понятие справедливости. В идеальном обществе Платон выделяет три сословия: философы, воины и земледельцы-ремесленники. Справедливость характеризуется правильным соотношением сословий. Правят философы, исполнительный аппарат: воины-стражники. У Аристотеля более прагматичная концепция социального равновесия, как избегания крайностей. Лучшие возможности имеет то общество, где средний класс у власти...

Поздняя античность испытала большое влияние восточных дуалистических учений. Тело – темница, чувства плохи, ибо неверны, преходящи. Тело – место заключения и страдания души. Мудрость – приготовление к смерти, к освобождению, быть может, к странствию в других телах. Было бы ошибкой находить в подобных тезисах исходное эллинское мироощущение...

* * *

После лекции Розанов быстро спустился на второй этаж.

– Ну что, Надежда Сергеевна, опять – двадцать пять опечаток!

Он придвинул стул, сел рядом с Громовой у компьютера. Успел заметить, что «Феликс» настроен скверно.

– Двести пятьдесят не хотите?! Вы, когда пишете, о чем думаете, Василь Васильевич? – брюзгливо откликнулась Надежда Сергеевна. – Ну смотрите... Так, сейчас... Вот. «Онтомологический ряд» – это что такое? Зоопсихология? Онтология?

– Где? – Розанов одел очки, подался к монитору. Засмеялся. – Нет, просто аналогично...

– Читал Набокова на ночь... Дальше... Вот этот кусок, насколько я понимаю, вообще попал сюда не по делу.

– О, да! Это конец второй главы. Давайте, сразу переставим.

– Подождите. Переставите дома. Смотрите, что у Вас с синтаксисом... Запятые и точки я Вам должна проставлять?.. Здесь на одной странице три раза «как бы» и «однако»... Ну а здесь Вы, видимо, вообще не смотрели, что печатаете – это же полное безобразие! Я не думаю, что заслуживаю подобного обращения, Василь Васильевич. А может, Вы бездарь?

Розанов уныло смотрел в пестрый от красной правки текст. «Железный Феликс», все-таки, очень удачная кличка.

– Ну и, разумеется, список литературы; Вы просто проигнорировали мои замечания. Короче говоря, Надежда Сергеевна свернула программу, извлекла «флешку». – Я жду от Вас полностью готовый вариант в пятницу, в десять часов.

– Надежда Сергеевна, давайте пол-первого, я обещаю!

– В десять, Василь Васильевич. Извините, у меня тоже много работы. В противном случае я отправлю сборник без Вашей статьи, можете потом объясняться с Игорем Николаевичем.

– Надежда Сергеевна, Вы привычно губите во мне автора, ученого и человека...

– Ничего! Переживете. По-другому, голубчик, книги не пишутся. Сделайте себе распечатку, смотрите в транспорте... Чего по сторонам-то глазеть?

Она неожиданно ударила его коленкой в бедро. Розанов удивленно поднял глаза и отшатнулся: «Феликс» весь сморщился и радостно смеялся своими ужасными кривыми зубами. Тут же страшно закашлялся.

– Налить Вам воды? – испугался Розанов.

Громова махнула ему рукой. Он вышел.

У лифта окликнула Света.

– Василь Васильевич, пришел факс из Норвегии; нужно оформлять визу.

– Ехать в посольство?

– Я позвоню, узнаю, когда прием. Василий Васильевич, там три приглашения.

Он вопросительно посмотрел на нее.

– Вы, Михаил Иванович и я, если не возражаете...

Света прикусила зубами ручку и, глядя на него, загадочно повела головой.

– Ой, Свет! Искренне рад! Я думаю, ты все сделаешь. Паспорт у меня есть.

– Я узнаю, нужно ли собеседование, но подача документов, скорее всего, личная. Вам нужно еще заполнить вот эти анкеты участника и подготовить тезисы доклада. Игорь Николаевич просил в пятницу.

– Обойдется! Сегодня среда – какая пятница!

– Он хочет в понедельник все утвердить у Заварзина...

– Ладно, Свет, спасибо. С Игорем Николаевичем я сам переговорю...

Вечером, дома, Маша бодрая, оживленная.

– Суп будешь?

– Буду.

– Иди, мой руки, сейчас подогрею.

Кухня маленькая, уютная. Стены закрыты полками, навесными шкафчиками. У окна стол и даже втиснулся крохотный угловой диванчик. Над столом необычное низкое бра – трехглавый дракон, распростертый, с тремя разинутыми светящимися пастьми. Телевизор на холодильнике.

– Опять кризис на Украине? – Василь Васильевич сел, стал смотреть новости.

– Лялечка звонила, говорит, у них все спокойно. Они и не слышали ничего; это наши тут раздувают.

– А мне Сашка письмо прислал: приняли корейцы его проект. Говорит, если успеет оформить бумаги, к Пасхе прилетит.

– Умничка-сыночка! – Марья Александровна обратилась к портрету серьезного молодого человека на стене. – Ну и что? Теперь он будет мотаться туда-сюда?

Она вздохнула, села напротив.

– Пока молодой – полетает. Денег заработает, квартиру, машину купит... Будет тебя возить...

– Не ехидничай. Как, кстати, школа?

– Сегодня было вводное занятие... Не знаю, Маш, что-то я сомневаюсь в успехе...

Марья Васильевна встала, наклонившись, обняла его за плечи. Прижалась щекой.

– Васечка – хороший! Научится ездить. Саша нам купит красивую новую машину. Мы поедем в Киев, заберем дочу с внученькой, поедем себе в Крым, к Симе.

Она отстранилась, посмотрела на него глубокими черными теплыми сейчас глазами.

– А поездом нельзя?

– Ладно, Вась, как получится, мы же договорились.

– Что еще Лялька рассказывает? – Он принялся за суп.

– Анечка хорошо. Голосок бодренький, спит, правда, мало. Свекровь по-прежнему, в депрессии. Нужно ее кормить, выгуливать. Устает доча.

* * *

Следующий заголовок, пожалуйста, – Подвижные части автомобиля... Подвижные части автомобиля. Подпункт здесь, цифра один или буква а со скобкою, как хотите, – кривошипно-шатунный механизм... Ка-Шэ-Эм, сокращенно. Ка-Шэ-Эм! И следующий подзаголовок – назначение кривошипно-шатунного механизма! Можно уже писать сокращенно: назначение КШМ. Написали? Итак, КШМ служит для преобразования прямолинейного движения поршня во вращательное движение коленчатого вала... Так, я все повторю! Спросите меня, что непонятно... Разговаривать пожалуйста, в коридор. Здесь сидим тихо, слушаем. Не успели, не поняли – ручку вверх. Я сделаю паузу... Или в конце занятия подойдите, спросите...

– Так, смотрим сюда, все очень просто.– Александр Данилович громко дробно застучал деревянной указкой по металлу.

– Вот у нас разрез двигателя. Специально для вас взяли и распилили. Вот цилиндр, где сгорает топливо... Как двигается поршень?

– Туда-сюда, – тонкий девический голосок.

Александр Данилович остановился, выдержал паузу. Девчонки захихикали. Женщины сдержанно и покровительственно заулыбались. Молодой парень у окна грубо громко заржал. Розанов внимательно посмотрел на замаслившееся лицо преподавателя.

– Вернемся к двигателю! – укоризненно произнес Александр Данилович. – Итак, смотрите. Взорвали топливо в цилиндре – резко, многократно увеличилось давление газов, поршень выталкивается вверх! Избыток газов через клапан выбрасывается из цилиндра – поршень вернулся назад, но свое движение, через шатунную шейку уже передал на коленный вал и далее, на колеса – машина поехала! Понятно?

Александр Данилович произнес это залпом, с быстрыми жестами, поворотами туловища и напоследок склонился, замер, вопрошая зал...

* * *

Дорога опять мучительная. Розанов, обычно, садился на конечной остановке у дома, или, по хорошей погоде, бежал через лес на электричку. После десяти на станции перерыв. Маршрутки в Москву у школы идут уже заполненные. Сейчас, подумав, выбрался на Горьковское шоссе, там залез в автобус. Стоял. Уперся в сиденье, достал распечатку, просматривал текст. У МКАДа пробка. Водитель дергал, маневрировал. Убрал бумаги – бесполезно. Спина разболелась. В метро присел, передохнул.

В институте ходил по начальству с бумагами, переговорил с Новиковым по телефону – толково. Смотрел материалы Норвежского семинара, которые прислал Петер. К вечеру, кажется, выправил текст. Хорошо поработал.

Поехал домой с Курского вокзала на десятичасовой электричке. Вагон теплый, людей немного. Задремал в тепле. Пошел пешком от станции по дороге, чтобы встряхнуться. Темно. Машины спят фарами. Пустой тротуар с остекленелыми черными лужами. Завтра можно отдать тезисы Свете, пусть правит и несет Игорю Николаевичу. «Феликс» опять придерется, но, наверное, даст еще поработать выходные. В понедельник лекция...

У фабрики на остановке нетрезвые, шумные ребята. Девчонки полуголые, одна уже кашляет, сопливая, с сигаретой. Неожиданно подошла маршрутка из Москвы. Вышли люди. Розанов забрался в салон, сел в удобное кресло и через десять минут был дома.

* * *

Утром мороз четырнадцать градусов! А днем в Москве будет пять-семь тепла. В лесу незнакомая женщина со сворой собак собирает бутылки, тащит за собой сумку-тележку. Деревья у речки замерли восторженные, вдохновенные, сосредоточенные. Слушают небо. Ждут весну.

В школе холодно, настоящий «дубак». Женщины сидят в куртках, в шубах. Класс полупустой. Александр Данилович нацепил очки на нос, начал переключку.

– Алоева?

– Здесь, перед Вами.

– Артамонова?

– Здесь.

– Винникова? Винникова есть? Ставим пропуск.

– Горелова? Тоже нет?... Пропуск. Гуляйте-гуляйте. На экзамен никто допущен не будет.

– Гунн-берова?

– Гуимберова! Здесь.

– Извините.

Вошли две девчонки-подружки, в одинаковых черных куртках, джинсах, голопузые. Попытались потихоньку проскользнуть на свободные места. Преподаватель поднял глаза, спросил грубо – Вы куда идете?

Девчонки остановились.

– Маршрутка в пробке стояла, полчаса...

– В следующий раз выходите из дома на полчаса раньше, сегодня можете быть свободны.

– Мы же на семь минут опоздали, Александр Данилович, – воскликнула темная девушка.

– Не мешайте мне вести занятия, вы слышали, что я сказал? – рявкнул, вдруг, преподаватель.

– Нет, ну это беспредел! – Хрипло сказала маленькая светлая девчонка с накрашенным детским лицом. – Мы же не виноваты!

– Пишите жалобу, я вас на занятия не допускаю!

– Подумаешь! – Светлая девушка пошла из класса, в дверях внятно ругнулась.

– Александр Данилович, простите нас, пожалуйста, мы больше не будем. Это в последний раз.

Темная девушка махнула подруге.

Преподаватель повернул к ней пустое, измученное лицо.

– Почему вы идете без спроса? Все может случиться, но давайте уважать друг друга... Вы же не в баню идете! Садитесь. Кто это пришел?

– Струнникова и Шпет.

– Хорошо. Розанов?

– Здесь.

Александр Данилович закончил переключку, поднялся из-за стола.

– Все убрали конспекты. Достали лист бумаги и карандаш. Пишем контрольную работу. От окна – первый вариант, – он взмахнул рукой; – второй. Здесь первый, второй.

Первый вариант, записываем вопросы. Классификация легковых автомобилей. Не шумите, я напишу на доске...

Коварный тип и мстительный. Впрочем, может плохо себя чувствует. Голова сегодня тяжелая. Розанов вытащил лист бумаги. Чего там во втором варианте? Система питания, основные виды топлива. Ничего не помню.

Александр Данилович записал на доске вопросы, еще раз грозно предупредил о суровой ответственности за списывание и торжественно вышел из класса.

Женщины встрепенулись, засуетились с тетрадками.

– Лера! Стань у двери... Смотри, где он там! Товарищи, у кого первый вариант записан, диктуйте!

Розанов засмеялся. Написал что-то сам своими словами. Отдал листок. Вышел на остановку, неожиданно позвонил Дима, предложил подвезти... Повезло!

* * *

Средневековье не было монолитным временем, Темными веками упадка после блестящей Античности – это поздние схемы Просветителей. Мы говорим об огромной, тысячелетней, очень разнообразной и богатой по содержанию эпохе, в течение которой сформировались основополагающие приоритеты европейского самосознания. Несомненно, есть радикальная новость – рецепция христианства, но весьма своеобразная. Для многих людей произошло не столько событие спасения, сколько открытие греха. Это истинная реальность. Грех существует, явлен и превышает все представления человека о бедствиях. Спасение также существует, несомненно, но в явном виде возможно лишь для избранных, для немногих – это трудная, далекая, и не всегда ясная перспектива. Настоящая же реальность – греховный и гибельный мир, наполненный ненавистью, дьявольскими силами, встречаемыми каждый Божий день. Человек в церкви имеет шанс на спасение, на выживание. Но не больше. Мирозрение ранне-средневекового человека сформировано не только церковью, но и совершенно определенными историческими событиями – падением Римской империи, хаосом железных и варварских веков, медленным, чрезвычайно жестоким становлением новых государств под эгидой церкви. Будничными лишениями, трудом, бедствиями. Насилием.

Для Августина (V век) Рим был не просто страной, где он родился, вырос и получил образование, но целым миром, единственно-возможным культурным миром. Этот мир рухнул, потому что был безбожным. И, развалившись, похоронил античную культуру: и Платона, и искусство, и императоров. Главное произведение «О Граде Божиим» описывает конец Рима как закономерность. Раннее средневековье жило под несомненным влиянием Августина. В «Исповеди» – очень характерно – человек талантливый, образованный, глубоко чувствующий умирает сам в себе от грехов. «Не может душа успокоиться, пока не успокоится в Тебе, Боже... Ибо Ты создал нас для Себя». Именно через этот образ воспринимали античное наследство новые народы – франки, германцы, скандинавы. Суд Божий – настоящая реальность, как война, голод, болезни. Человек, чтобы жить, должен верить. Покаяться и верить – это первое его дело в этой жизни, потому что земные ужасы – лишь прообразы вечных мучений. Человек сам по себе плох. Был хорош, да испортился. «Человек, если остается только человеком, уподобляется дьяволу». (О Граде Божиим). Нет времени для раздумий. Нет нейтральной гуманистической позиции. Верить – совершенно необходимо. Покаяние – дело всей жизни. Формы покаяния различны для воина, крестьянина, монаха, но это лейтмотив всякой человеческой жизни. При этом сохраняется античная структура общества, но изменяются внутренние интенции. Главные теперь не философы, но «те, кто молятся» – духовенство, монахи. Дальше те, кто воюет, поднимают меч ради Христа. Потом те, кто работают.

Герои Средневековья – святые. Монахи, короли и папы. Исповедники и безсеребрянники. Красота суть чистота, открывающая видение Бога в мире. Куртуазная любовь рыцаря, прежде всего верность, посвящение души другой прекрасной и благородной душе, часто анонимного характера... Идеал – внутренний молитвенный подвиг неопознанной преданной любви... Впрочем, все это медленно и трудно произрастает на почве весьма разнообразной, грубой, простодушно-циничной повседневной жизни, данной нам в городской поэзии, фольклоре и событиях карнавала...

* * *

– Боря, а ты не можешь подсуетиться и поехать в Норвегию?

Марья Александровна задула горящую спичку, поправила зажженные свечи, аккуратно подвинула на середину стола.

– Думаю, нет. И не хочу. – Боря сыто развалился на диванчике в углу кухни. – Пока был евреем, никуда не выпускали. Потом научился пить и материться, стал ведущим сотрудником, уже никуда и не хочется. Плыву по-течению, – «безрима». Я теперь патриот, Маша.

– Звучит как идиот. Вась, оставь тарелки... Сядь.

– Вася, ты свидетель, Маша первая начала! Я еще ничего не сказал!

– Боренька, не прибедняйся, ты сейчас сообщил нам сразу две большие глупости. Первая, что ты перестал быть евреем. Потом связал пьяную ругань и собственное невежество с патриотизмом. Я потому и задаю тебе встречный вопрос об идиотии...

– Бедные твои дети, Маша! Тебе надо не в школе, а в прокуратуре работать или шпионов раскалывать, цепляя их за язык.

– Мы с детьми дружим, Боря; ты бы лучше следил за своею речью.

– Вот аспид! Как ты с нею живешь, Вася, ума не приложу!

– Что ты называешь умом, Боря?

– Ну, все, закончили! – Василь Васильевич вытер руки полотенцем, сел к столу. – Меняем тему.

– Как твоя школа? – после некоторой паузы спросил Боря.

– Ой, Советский Союз. Знаешь, впечатление такое, будто вернулся куда-то в 70-е на урок военного дела. Современный автомобиль имеет три составные части: переднюю, среднюю и заднюю.

– Правда, что ли?

– Представляешь, Боренька, группа у Васи в автошколе: трое мужчин и двадцать женщин.

– И-и! – Протянул Борис Александрович и выразительно посмотрел на Василь Васильевича.

– Правда. Половина девчонок, третья часть – ухоженные дамы средних лет, и несколько бабушек примерно моего возраста.

– Слушай, надо и мне пойти поучиться, что ли? А инструктора тоже женщины?

– Не знаю, наверное, там мужики.

– Жаль. Вообще мне вот эта часть нравится – уверенные, ухоженные дамы средних лет на собственном автомобиле. Знаешь, Маша, – оживился Боря, – как у нас Вася лекции читает?

Войдет в аудиторию, студентки раз – и подтянулись! В другой раз, смотришь, глазки уже подмалеванные, кофточка какая-то веселенькая, чулочки там, туфельки... Бретелечка на плечико выпадает, так, неожиданно... Знаешь, как сейчас модно...

– Боренька, а ты, когдаходишь в аудиторию, как тебя люди принимают?

– Я, Маш, дело другое...

– Вздох разочарования и шелест человеческого сочувствия... И уж не знаю, что там выпадает, сыплется пока ты тяжело продвигаешься к кафедре...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.